

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

САДЫКОВА Тимура Рашитовича

«Кокзельская археологическая культура

(производственные и хозяйственные практики)»,

представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.3 – археология

Диссертационная работа Т.Р.Садыкова – первое для археологии Тувы специальное исследование, посвященное экономическим аспектам жизни древнего населения региона в 1-й половине I тыс. н.э. За почти 100 лет изучения археологических памятников, известных сегодня как памятники кокзельской археологической культуры, поселенческие центры ее населения практически не рассматривались, что естественно ограничивало возможности изучения жизни древнего населения и позволяло лишь косвенно и предельно гипотетически реконструировать основы хозяйства, виды, орудия и способы производств, конкретные места обитания (Вайнштейн 1958; Кызласов 1958). Единичные исследованные в Туве железоделательные центры получали лишь неопределенную культурную и хронологическую привязку (Сунчугашев, 1969; Тулуш, 2017) и не могли стать прямым источником изучения кокзельского производства.

Погребальные и поминальные памятники кокзельской культуры представляют многочисленный, но достаточно однородный материал, до сих пор не позволивший создать ни внутреннюю хронологию культуры, ни определить длительность ее существования. Отсутствие импортов и выразительных аналогий за пределами Тувы определило локальный характер кокзельской культуры – своего рода «интерстадиала» по меткому выражению Д.Г.Савинова между сюннуской и древнетюркской эпохами (2010, с.9). Авторы последнего монографического издания кокзельских памятников фактически признали своего рода тупик в изучении этой культуры, когда ни происхождение, ни исторические судьбы, ни этнический состав ее носителей и их взаимоотношения с окружающим миром не могли быть определены на основании имеющихся материалов (Длужневская, 2010, с.223).

Исследование Т.Р. Садыкова вводит в научный оборот и новый вид памятников – поселение и металлургический центр, и совершенно новую серию источников: железоплавильные горны, углежогные ямы, новый тип керамики, поселенческий набор костей животных, костяные наконечники стрел и др. Современный подход с использованием естественнонаучных методов позволяет получить принципиально новые для кокзельской культуры данные. Эти методы включают радиоуглеродное датирование материалов, палеозоологические анализы костей и костяных изделий, трасологические определения, изотопные анализы содержимого сосудов, а также костей людей и животных для определения системы питания и уровня мобильности. В ходе полевых исследований были использованы современные геоинформационные технологии, позволившие с высокой точностью зафиксировать и привязать к ландшафту все изученные объекты, а также составить новую высокоточную карту кокзельских памятников.

Помимо поселения и железодельного центра Катылыг 5, автором диссертации исследован кокэльский могильник (65 погребений) на южной периферии изучаемого им раннескифского кургана Туннуг 1 и «поминальные» сооружения памятника Красная Горка. Кроме того, диссертантом проведена подробная разведка на таежном поселении Чыварлыг 1. Все эти данные также задействованы в диссертации и свидетельствуют о серьезном практическом знакомстве ее автора с памятниками и проблематикой кокэльской культуры.

Рукопись состоит из 160 страниц текста, включая Список памятников кокэльской культуры с их основными характеристиками и данными о публикациях (Приложение 1), а также рабочий аппарат. Альбом включает 147 иллюстраций и таблиц с результатами естественнонаучных анализов и подсчетов. Текст диссертации состоит из Введения, 5 глав и Заключения.

Во Введении кратко и емко определяется актуальность темы исследования, обозначены хронологические и территориальные рамки, источники, методика работы и научная новизна. Заявленная цель работы – описание и реконструкция культурно-хозяйственного типа и специфических особенностей кокэльской культуры. Цель понятна, хотя сформулирована, пожалуй, недостаточно четко. При использовании понятия культурно-хозяйственного типа просится дать его понимание диссертантом. Кроме того, в дальнейшем ожидается привлечение данных этнографии для верификации полученных наблюдений и выводов, однако ссылки на этнографическую литературу отсутствуют.

Глава 1 посвящена истории изучения кокэльской культуры. В ней представлен обзор полевых исследований, публикаций и мнений относительно разных аспектов кокэльской проблематики. Вопросам хозяйственного своеобразия, особенно важным для диссертанта, уделялось сравнительно мало внимания, соответственно и степень достоверности выводов была проблематичной. Это выразилось в диаметрально противоположных взглядах С.И.Вайнштейна и Л.Р.Кызласова, а позднее в «компромиссной» позиции А.Н. Мандельштама и Э.У.Стамбульник, отметивших как «кочевое скотоводство», так и «посевы вблизи зимовок» в качестве основ хозяйствования (1992, с.204). Автор справедливо объясняет неразработанность производственно-хозяйственной темы кокэльской культуры отсутствием прямых объективных данных, содержащихся только в материалах поселений и производственных центров.

Иных выводов в Главе 1 не представлено, что не позволило автору в дальнейшем опираться на них. Возможно, это сказалось и на несколько усложненной структуре работы: автор будет снова обращаться к историографии в Главе 2 (исследования металлургических комплексов в Туве) и в Главе 5 (культурно-хронологические аспекты кокэльской проблематики).

Глава 2 «Городище Катылыг 5» посвящена описанию уникального памятника, открытого и раскопанного автором во главе отряда Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН в 2014-2015 гг. Это самая большая по объему текста, иллюстраций и таблиц глава рукописи и, несомненно, самая информативная. Здесь представлены исходные данные: подробно описано расположение городища в таежной зоне на берегу р.Ээрбек, система укреплений, стратиграфия, описание объектов и находок, их планиграфия и распределение по памятнику. Здесь же даны

результаты естественнонаучного изучения разных материалов. На материалах с территории поселения строится значительная часть дальнейшей аналитики и обобщений.

Автор рассматривает функцию городища – производственного центра вблизи источников топлива – лиственницы, необходимой для производства древесного угля (с.25). Отсутствие углубленных в землю жилищ предполагает, что поселение использовалось только в летний период. Идентичность материала в ямах и между ними, редкие случаи взаимоперекрывания объектов, слабая насыщенность культурного слоя свидетельствуют, по мнению автора, о «крайне недолгом» периоде активного функционирования городища.

Отдельно рассмотрены три зоны металлургического производства и рассеянные по всей площади находки, не связанные с производством железа. Все условно бытовые объекты изучены по поселенческой методике с подсчетом соотношений разных категорий, видовым определением костей животных, планиграфическим и стратиграфическим распределением. Отдельные разделы посвящены разным категориям находок. Обоснована принадлежность поселения кокзельской культуре, в первую очередь на основании керамики (с.35).

Среди типичных кокзельских сосудов выделяется новая категория – «сосуды со скошенным горлом», которые по составу теста и лощению не могут рассматриваться как импорты. Т.Р. Садыков предполагает, что такие сосуды использовались для досыпания в горн шихты и древесного угля и выступали как необходимая для стандартизированного производства мера, одновременно защищая руку от ожогов. Выделение этой специфичной категории оказывается очень важным, т.к. позволяет в дальнейшем использовать ее для поисков происхождения традиций, приведших к сложению кокзельской культуры: близкие аналогии таким специфичным сосудам встречены в памятниках Дальнего Востока, северо-восточного Китая и Забайкалья (с.36).

«Предметы косторезного производства» представлены заготовками и просверленными фрагментами рога, «полыми костями с боковыми отверстиями», гребнями, «серпами» и др. Для большинства этих предметов, как и для фрагментов костей животных, трактуемых как пищевые остатки, проведено видовое определение. Два предмета подверглись трасологическому исследованию, согласно которому один из них мог быть серпом по травам, а другой использовался при выделке шкур (с.44-46). Пространственное распределение фрагментов костей животных не дает четкого понимания системы использования площади городища. Автор приходит к выводу, что многочисленные и плотно расположенные небольшие ямы не предназначались для бытовых отходов и не были связаны с жилищами (с.53).

С металлургическим производством связаны находки шлака, «технологическая керамика», остатки горнов и углежогных ям (с.53). Выделены три зоны металлургического производства: железоплавильная с остатками 8-ми горнов, кузнечная и зона углежогных ям. Делается вывод о производстве всего цикла железоделательных работ в одном центре.

Важный раздел Главы 2 – сопоставление конструктивных особенностей горнов Катылыга 5 с подобными памятниками сопредельных территорий (с.61-63). Делается вывод о том, что горны, изученные ранее на территории Тувы, а также в Хакасии, Монголии, Алтае, Бурятии и Приольхонье отличаются от катылыгских и отражают, видимо, «сюннускую» технологическую традицию рубежа эр. Горны Катылыга 5 обнаруживают сходство с горнами Прибайкалья (Барун-Хал 2, 3, Курма 28, Кузьминское озеро). Этот вывод становится важным аргументом в гипотезе автора о культурном импульсе в Туву, приведшем к сложению кокзельской культуры, более подробно рассмотренной в главе 5.

Последний раздел Главы 2 посвящен радиоуглеродной датировке образцов угля из разных мест городища. Все даты включают интервал второй половины 3 – первой половины 4 в., что сочтено временем функционирования городища, подтверждая полевые наблюдения о коротком сроке его функционирования. Эти даты соответствуют серии дат, полученных автором на могильнике у кургана Туннуг 1, что повышает достоверность датировок и позволяет синхронизировать оба комплекса (с.60).

По итогам главы 2 автор приводит функциональную, ландшафтную и временную характеристику поселения, основы жизнеобеспечения его жителей. Сделан объективный вывод об автономности, самодостаточности сообществ носителей кокзельской культуры (с.62). Ряд вопросов остались без ответа – например, о назначении ям, которые, по мнению автора, не являются ни мусорными, ни остатками жилищ. Однако это не удивительно имея в виду уникальность изученного памятника.

В Главе 3 проводится сравнение находок на городище Катылыг 5 с материалами погребальных и поминальных памятников кокзельской культуры. Отметим одно из интересных предположений автора, связанное с распределением наконечников стрел в памятниках степной и таежной зоны. В редких таежных памятниках (Катылыг 5 и курган 21 могильника Усть-Хадынских III) в качестве «своих» преобладают костяные наконечники, а в погребениях степной зоны – железные: они находятся в колчаных наборах, тогда как костяные стрелы – в телах погребенных. Автор предполагает существование враждовавших групп населения в пределах одного культурного ареала, проживавших в степной и таежной зонах (С.98-99).

В Главе 4 сделана попытка сопоставления материалов Катылыга 5 с поселенческими комплексами близкого времени сопредельных территорий. Судя по небольшому объему главы (с.102-107), заслуживающих внимания соответствий диссертант не обнаружил. Глава интересна тем, что здесь упоминается еще одно укрепленное поселение Тувы – Чыварлыг 1, кратко обследованное, но еще не изученное автором. Памятник обладает рядом сходных признаков с Катылыгом 5, расположен в таежной зоне и мог также являться металлургическим центром, хотя его хронологическая принадлежность еще не ясна.

В главе 5 «Культурно-хронологическое положение и историческая интерпретация кокзельской археологической культуры в свете новых данных» последние объединены и рассмотрены применительно к сложившимся гипотезам. В значительной степени на основании материалов, полученных на поселении Катылыг 5, автор формулирует тезис о сложении кокзельской культуры в результате

миграции с востока/юго-востока. Среди его аргументов – упомянутое конструктивное сходство горнов Катылыга с горнами памятников Прибайкалья рубежа эр, а также, косвенно – наличие в керамическом комплексе городища Катылыг 5 сосудов «с косым устьем».

Диссертант предполагает вероятность двух волн миграций в Туву, которые принесли похожие традиции суннуского и сянбийского облика (обряд погребения и материальная культура), хотя были связаны с разными группами населения в хронологически разделенные периоды. Вторая волна и определила формирование кокэльской культуры около 3 в. н.э.

Выводы автора во всех главах диссертации вполне обоснованы и заслуживают внимания. Надо отметить, что по всем категориям источников и гипотезам, затрагиваемым в диссертации, Т.Р. Садыков уже опубликовал большую серию статей. Быстрое введение новых материалов в научный оборот – это безусловная заслуга автора. Вместе с тем, в диссертации это определило излишнюю краткость в раскрытии отдельных тем – коль скоро они уже были опубликованы.

Так, обобщая данные по железоделательному производству Катылыга 5, автор опускает подробности технологического процесса, физические и химические свойства руды, изложенные в совместной публикации (Vodyasov et al. 2021). Говоря о роли земледелия у кокэльцев и значительной доле проса в их рационе, автор просто ссылается на опубликованные результаты изотопных исследований материалов «кургана-кладбища» на периферии кургана Туннуг 1 [Milella et al., 2022]. Жаль, что в диссертации не приведены все интересные итоги этого исследования, основанные на изучении костей людей и собак. Диета последних, например, в значительной степени была основана на растительной пище – по-видимому, остатках с человеческого стола (там же, с.131-132). Для нескольких человек предполагается ограниченное потребление пресноводной рыбы. Высокий процент потребления проса, выявленный благодаря изотопному анализу, предполагает скорее его выращивание на месте, чем импортирование. Эта и другая информация, очевидно, обогатила бы диссертацию.

Исследование поселения Катылыг 5 диссертантом позволило с высокой степенью достоверности нарисовать облик кокэльской культуры, ее хозяйственной и производственной специфики, особенности освоения таежных и степных зон Тувы. Удалось также высказать ряд важных и обоснованных предположений, обозначить серию новых фактов и поставить ряд конкретных проблем, работа над которыми может вывести изучение кокэльской культуры на новый уровень. Ведомый материалом и существующей проблематикой, диссертант вышел далеко за пределы обозначенных им задач исследования, связанных только с хозяйственной и производственной практикой. Фактически он не только ввел в научный оборот новый памятник с новыми категориями материала, но и объективно опробовал на нем существующие гипотезы о происхождении и хронологических рамках кокэльской культуры.

Профессиональное и самостоятельное исследование Т.Р. Садыкова представляет большой практический задел для дальнейшей работы как самого диссертанта, так и других исследователей. Текст написан четким и живым языком, выдающим ясный строй мышления диссертанта. В подходах сочетается внимание к

деталюм, практический ход мысли, смелость гипотез и взгляд на проблематику сверху, позволяющий делать логичные обобщения.

Диссертация «Кокэльская археологическая культура (производственные и хозяйственные практики)» соответствует критериям паспорта специальности 5.6.3 Археология и требованиям, установленным «Положением о присуждении ученых степеней», предъявляемым к кандидатским диссертациям. Ее автор, Садыков Тимур Рашитович заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук.

Автореферат соответствует основному содержанию диссертации.

Официальный оппонент

Кандидат исторических наук
ПАНКОВА Светлана Владимировна

Старший научный сотрудник

Отдела Археологии Восточной Европы и Сибири

Федерального государственного бюджетного учреждения культуры

Государственный Эрмитаж

Санкт-Петербург, 190000 Дворцовая наб., 34

Тел.(812)312-19-66

svpankova@gmail.com

С.Панков 20.02.2024.

Лорисе ризи Санковой С.В. заверено

